

К ФОРМИРОВАНИЮ ПОСТКЕЙНСИАНСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА

И.В. РОЗМАЙНСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
Санкт-Петербургский филиал,
e-mail: rozvital@inbox.ru

В статье анализируются методологические основания для исследования феномена государства в рамках посткейнсианской экономической теории. Особое внимание уделяется исследованию фундаментальной неопределенности в связи с институциональными функциями государства. Рассмотрены основные аспекты неоклассической и неоавстрийской критики активного вмешательства государства.

Ключевые слова: посткейнсианская экономическая теория, неопределенность, институциональные функции государства.

Коды классификатора JEL: E12, E02.

The article analyzes methodological frameworks for research of the government phenomenon within the post-Keynesian economic theory. Special attention is given to the investigation of fundamental uncertainty in connection with institutional functions of a government. Primary aspects of neoclassical and neoaustrian critics of active government interference are examined.

Key words: post-Keynesian economic theory, uncertainty, government institutional functions.

Введение

В чем состоит роль государства в экономике? Хотя разные школы экономической мысли дают на этот вопрос различные ответы, за последние несколько десятилетий в магистральной экономической теории (*mainstream economics*) укоренилось негативное отношение ко многим аспектам государственного вмешательства в экономику. Это произошло за счет усилий, прежде всего, нобелевских лауреатов Ф.А. фон Хайека, Дж. Бьюкенена и Р.Э. Лукаса.

В то же время реализация на практике подобной трактовки роли государства в постсоветской России и других странах, проходивших через горнило посткоммунистических преобразований, привела, на наш взгляд, к очень большому количеству отрицательных последствий, многие из которых не преодолены до сих пор. Главные из таких последствий — сформированные в ходе указанных преобразований неэффективные институты, тормозящие экономический рост, основанный на инновациях, и способствующие превращению России в сырьевой придаток развитых стран Запада. Ситуацию не изменить, если не отказаться от укоренившихся в нашем научном сообществе заблуждений относительно роли, функций и места государства в хозяйственной жизни общества.

Мы полагаем, что именно в рамках посткейнсианства можно разработать адекватную теорию, которая реалистично описала бы, в чем, главным образом, должна заключаться деятельность государства в экономике. Данная статья является одной из первых подобных попыток. Сначала, в первых нескольких разделах, мы проде-

монстрируем, с какими институциональными и макроэкономическими проблемами сталкивается экономическая система рыночного капитализма и, соответственно, каким образом государство может решать эти проблемы. Затем мы рассмотрим взгляды вышеупомянутых нобелевских лауреатов, сформировавших критическое отношение большинства современных «магистральных» экономистов к «активному» государству, и попытаемся опровергнуть эти взгляды, используя посткейнсианские идеи. А после этого мы — опять-таки, с посткейнсианских позиций — поговорим о роли государства в системе, сложившейся в постсоветской России, системе, которую нельзя назвать «рыночным капитализмом». В заключение мы попытаемся сформулировать посткейнсианский взгляд на то, каким должно быть государство.

Понятие неопределенности

Ключевое понятие в посткейнсианской традиции — неопределенность. Именно акцент на неопределенности будущего отделяет посткейнсианство не только, скажем, от неоклассического или неoinституционального подходов, но и от различных ветвей кейнсианского «древа».

Вообще говоря, *неопределенность* будущего означает, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей. По этому поводу Дж. М. Кейнс писал следующее: «... под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительной степени неопределенной. ... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем» [2, с. 284]¹. Мы не знаем ни количества возможных исходов, ни вероятностей наступления каждого из них.

В этом плане неопределенность отличается от *риска*, при котором будущее можно описать при помощи вероятностных распределений, поскольку известны и количества исходов, и вероятности наступления каждого из них. Здесь сразу следует оговориться, что в неоклассической традиции различие между риском и неопределенностью игнорируется, и эти термины обычно используются в качестве синонимов, как, например, в теории ожидаемой полезности. Естественно, посткейнсианцы ни в коем случае не могут согласиться с таким смешением понятием, которое сразу же уничтожает уникальность их подхода. Более того, они проводят различия между *неясностью* (*ambiguity*), при которой недостающая информация в принципе может быть обнаружена, и *фундаментальной неопределенностью* (*fundamental uncertainty*), при которой недостающая информация никак не может быть обнаружена, поскольку еще не создана [10, с. 63–64].

Смешение риска и неопределенности, по-видимому, связано со следующими аспектами. Согласно неоклассикам, экономическая среда характеризуется *эргодичностью*. Этот термин означает, что в такой среде прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией вероятностных распределений². По сути, время сводится к пространству, в том смысле, что возможны движения из одного состояния времени (места пространства) в другое в любых направлениях. Отсюда следует, в частности, что, во-первых, прошлое не сковывает людей тяжкими оковами не-

¹ Впервые идея о разграничении между неопределенностью и риском была выдвинута Фрэнком Найтом еще в 1921 году в его знаменитой книге «Риск, неопределенность и прибыль» [25]. Из этих рассуждений можно прийти к выводу о невозможности оптимизации в условиях неопределенности. См. [10].

² Об этом, в частности, неоднократно писал П. Дэвидсон [18; 19; 20].

обратимости. Во-вторых, люди могут предсказывать будущее, либо достоверно (т. е. с определенностью), либо используя методы теории вероятности.

Ясно, что для посткейнсианцев такой подход неприемлем. Они полагают, что будущее радикально отличается от настоящего и прошлого, а движение во времени возможно только в одном направлении. Иными словами, посткейнсианцы исходят из принципа исторического времени, согласно которому прошлое необратимо, а будущее неопределенно. Именно в историческом времени движется экономическая среда, характеризующаяся неэргодичностью, т. е. онтологическими различиями между прошлым, настоящим и будущим. Таким образом, неопределенность — это характеристика неэргодичной (*non-ergodic*) экономической среды. Неэргодичность — неотъемлемое свойство сложной экономической системы, т. е. такой системы, в которой производство осуществляется при помощи активов длительного пользования, а также имеет место разделение труда и его специализация [13, с. 49].

Для снижения неопределенности в сложной системе люди и их группы формируют определенные институты. Если мы обратимся к институтам, образовавшим рыночный капитализм — или, как предпочитают говорить посткейнсианцы, денежную экономику [13, с. 50–51], — то важнейшим из таких институтов являются форвардные контракты. Они обеспечивают определенные гарантии, касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Как отмечал С. Руссис: «они [контракты] являются формой контроля над заработной платой и ценами, который конвертирует неопределенность в относительную определенность, не средством вероятностного анализа, ... но достигая во времени... гарантирования будущих цен и издержек» [34, р. 23]. Согласно Я. Кригелю, «... как природа не терпит пустоты, так и экономическая система не терпит неопределенности. Она реагирует на отсутствие информации, которую рынок не в состоянии обеспечить, созданием институтов, уменьшающих степень неопределенности: контрактов о заработной плате, контрактов на ссуды, соглашений о поставках, торговых соглашений» [26, р. 46]. Таким образом, контракты — способ снижения степени неопределенности будущего [7; 14], ведь они как бы упорядочивают хозяйственную деятельность, имеющую временную протяженность.

Для того чтобы система форвардных контрактов функционировала бесперебойно, необходим другой институт — деньги. Деньги в посткейнсианской традиции понимаются как средство соизмерения контрактных обязательств и как средство их выполнения. Таким образом, деньги в денежной экономике представляют собой не просто «средство обращения» или «всеобщий эквивалент», а «... то, чем выплачиваются долговые и ценовые контракты и в чем удерживается запас общей покупательной способности» [24, р. 3]. При этом сама денежная экономика понимается как «экономика, основанная на системе форвардных контрактов» [17, р. 102]. И здесь мы подходим к посткейнсианскому пониманию государства.

О посткейнсианской трактовке основных институциональных функций государства

Еще один институт, без которого немислимо существование денежной экономики, — государство как орган, выполняющий функцию защиты форвардных контрактов. Главная функция государства, по мнению посткейнсианцев, состоит вовсе не в устранении негативных экстерналий и не в борьбе с монополиями, а в том, что оно обеспечивает принуждение к выполнению контрактных обязательств, т. е. их «инфорсмент» (*enforcement*). Неспособность или нежелание государства выполнять эту функцию — то, что было когда-то названо нами институциональной неадекватностью государства [3, с. 571–577], — резко увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу само существование денежной экономики. Ведь институциональная неадекватность государства подрывает доверие к контрактам, вслед-

ствие чего большинство людей будут избегать их заключать. Соответственно, начнет разрушаться сама основа денежной экономики — система форвардных контрактов! Если государство не выполняет свою функцию «защитника контрактов» (*enforcement*), будучи «институционально неадекватным», то результатом будет резкое повышение степени неопределенности будущего вместе с крайне неблагоприятными макроэкономическими последствиями. При этом такую экономическую систему нельзя называть «денежной экономикой», поскольку она не основана на применении форвардных контрактов (они не будут использоваться, если нет актива, который мог бы их «погашать», и нет органа, который бы обеспечивал принуждение к их выполнению). Возможно, самый напрашивающийся пример, — экономика России 1990-х годов [8; 10; 12; 13], о чем мы будем говорить ниже.

К другим важнейшим институциональным функциям государства следует отнести защиту прав собственности; обеспечение конкурентного доступа на рынки, формирование эффективных, стабильных, не противоречащих друг другу и хорошо работающих законов, поддержание денежного обращения, а также благоприятное влияние на общественную идеологию (т. е. на общественные цели и предпочтения) [3]. Эффективное выполнение этих функций также позволяет снизить общую степень неопределенности в экономике. Таким образом, основное институциональное «предназначение» государства состоит в том, чтобы упорядочивать хозяйственную и социальную жизнь в обществе, страдающем от неопределенности. Вот почему посткейнсианцы склонны рассматривать государство, прежде всего, как *институт, уменьшающий неопределенность (uncertainty-reducing institution)*. «Посредством уменьшения неопределенности государство способно увеличить уверенность и улучшить результативность экономики» [32, р. 111]. Именно в том, насколько эффективно государство уменьшает неопределенность, как раз и проявляется успешность его деятельности. Слишком высокий уровень неопределенности подавляет инвестиционную и инновационную активность и обрекает хозяйство на застой или даже деградацию. То есть, как уже можно было понять из предыдущих рассуждений, институциональная неадекватность государства губительна для общества. Однако даже успех государства в осуществлении защиты контрактов и выполнении прочих значимых институциональных функций не избавляет денежную экономику от серьезных проблем.

Основные проблемы системы рыночного капитализма

Итак, использование контрактов, денег и государства снижает степень неопределенности будущего в сложной экономической системе и позволяет создать такую ее разновидность, которую посткейнсианцы называют денежной экономикой, а большинство остальных экономистов — рыночным капитализмом³. Однако неопределенность полностью не устраняется. Это обстоятельство и связанные с ним попытки хозяйствующих субъектов снизить степень неопределенности порождают серьезные проблемы, с которыми сталкивается денежная экономика и которые исследуются посткейнсианской традицией.

Прежде всего, необходимо отметить, что степень уверенности в ожиданиях хозяйствующих субъектов денежной экономики, равно как и степень неопределенности, с которой они сталкиваются, может меняться в зависимости от разнообразных экономических, социальных, институциональных и технологических изменений. Падение степени уверенности или рост неопределенности приводят к росту спроса на такие

³ Хозяйствующие субъекты могут формировать и альтернативные институты для снижения неопределенности в сложных экономических системах. В результате образуются иные варианты сложной экономической системы, такие как плановый социализм, семейно-клановый капитализм и т. д. [13]. О роли государства в последнем из упомянутых типов систем пойдет речь в предпоследнем разделе статьи.

активы длительного пользования, которые позволяют хозяйствующим субъектам как бы «чувствовать себя в большей безопасности». Такая «безопасность» обеспечивается в том случае, если люди имеют в своем распоряжении активы, позволяющие выполнять взятые на себя контрактные обязательства. Вот почему, по Дж. М. Кейнсу, «обладание реальными деньгами снижает уровень нашего беспокойства» [2, с. 286]. Иными словами, «неопределенность приводит к предпочтению ликвидности и ненейтральности денег в длительном периоде» [33, р. 61]. Короче говоря, повышение степени неопределенности будущего или рост неуверенности порождает спрос на деньги.

Но такое увеличение спроса на деньги не влечет за собой расширения производства и занятости. Вообще говоря, «деньги нельзя производить по желанию» [1, с. 301]. Правда, этот тезис Дж. М. Кейнса адекватен лишь для ситуации, при которой коммерческие банки не могут свободно выдавать кредиты, тем самым создавая деньги. Однако даже когда они могут это делать, увеличение предложения денег не приводит к росту занятости и не создает реальный ВВП (хотя бы по причине их нулевой трудоемкости) [11].

С другой стороны, рост неопределенности и неуверенности сокращает вложения в производственные активы длительного пользования вследствие их неликвидности и длительного срока окупаемости. Естественно, вследствие этого падают уровни производства и занятости. Таким образом, изменения в структуре выбора активов длительного пользования, связанные с ростом предпочтения непродуцированных и ликвидных активов производственным и неликвидным активам, порождают кризис. *Иными словами, денежная экономика внутренне подвержена кризисам, вынужденной безработице, циклам и в целом макроэкономической нестабильности.* Здесь очень важно отметить, что при инфляции роль денег как привлекательного актива при повышении неуверенности и неопределенности начинают играть *суррогатные средства накопления*, т. е. такие активы, которые хорошо выполняют функцию средства сохранения ценности, но не являются средством обращения и обладают нулевой (или крайне незначительной) эластичностью производства [12, с. 77]. К таким активам можно отнести зарубежные финансовые активы, антиквариат, предметы коллекционирования, старый фонд недвижимости и прочие виды имущества. Одним из индикаторов роста спроса на суррогатные средства накопления может служить бегство капитала из страны (например, в 1990-е годы из России было вывезено не менее ста тридцати миллиардов долларов США) [12, с. 78].

Другой спектр проблем возникает в связи с тем, что хозяйствующие субъекты пытаются снизить неопределенность, с которой они сталкиваются, приобретая контроль над важнейшими экономическими переменными, с которыми они, так сказать, «имеют дело». К этой «категории», в частности, относится контроль частных фирм над ценами, контроль, который необходим для обеспечения надежных источников финансирования инвестиций [16; 21; 22]. Снижение степени неопределенности может осуществляться «через вертикальную и горизонтальную интеграцию, конгломератные слияния, дифференциацию продукта и другие способы накапливания экономической власти» [34, р. 22]. Здесь представляется важным тезис С. Руссиса о том, что приобретение рыночной власти представляет собой важнейший инструмент снижения неопределенности, наряду с использованием системы форвардных контрактов [34, р. 24–25]. Таким образом, *денежная экономика в той или иной степени обречена на несовершенство рыночных структур*, на доминирование в тех или иных отраслях крупных компаний, добившихся более значительных успехов по сравнению со своими конкурентами в плане снижения степени неопределенности. Не удивителен, поэтому, акцент посткейнсианцев на *неравновесности рыночных процессов* [16, р. 118]. Еще один аспект — контроль коммерческих банков над денежной массой (т. е. независимость от регулирующих мероприятий Центрального Банка), достигаемый через стратегии управления пассивами, кредитные линии и прочие продукты финансовых инноваций [11; 27]. Эндогенность денег, которая оказывается результатом таких действий

крупных коммерческих банков, рассматривается посткейнсианцами как важнейшая характеристика современной стадии денежной экономики, которую можно назвать «кредитно-денежной» [11; 17; 28]. Кроме того, в условиях эндогенности денежной массы и борьбы разных групп хозяйствующих субъектов за свою долю в ВВП, рассматриваемая экономическая система обречена еще и на *инфляцию, обусловленную конфликтами* [11; 29, с. 11].

Ну и, естественно, нет никаких оснований ожидать, что в долгосрочной перспективе денежная экономика будет генерировать быстрый и устойчивый рост. В частности, для того, чтобы такая успешная динамика имела место, экономические агенты должны быть перманентно готовы вкладывать средства в производственные активы длительного пользования, обеспечивающие увеличение реального ВВП. Как мы уже утверждали выше, в кризисные ситуации люди склонны к отказу от вложений в производственные активы длительного пользования из-за общей неуверенности. Иными словами, хозяйствующие субъекты при высокой степени неопределенности избегают активов, которые могут приносить доход лишь в очень далеком будущем. Это может служить очень серьезным препятствием для роста. Поэтому для обеспечения устойчивых темпов экономического роста необходимо такое же устойчивое увеличение совокупного спроса [11; 30; 31]. *Нестабильность изменений совокупного спроса, которая связана, в первую очередь, с изменчивостью инвестиций вследствие изменений в степени неуверенности и неопределенности, порождает нестабильность роста в денежной экономике.*

О посткейнсианской трактовке основных макроэкономических функций государства и его влияния на оценку будущего времени

Все эти соображения указывают на то, что активное и широкомасштабное макроэкономическое вмешательство государства в экономику жизненно необходимо не только для ее успешного функционирования, но и для элементарного выживания, «поддержания на плаву». Такое макроэкономическое вмешательство, обоснованное Дж. М. Кейнсом и представителями различных ветвей кейнсианства, в том числе и посткейнсианства, предполагает широкий спектр институтов и мероприятий. Прежде всего, *государство должно обеспечивать сглаживание расходов частного сектора на производственные активы длительного пользования.* Такие колебания, как должно было стать ясно из предыдущего раздела, являются внутренне присущим рыночному капитализму свойством, обусловленным колебаниями степени неопределенности, с которой сталкиваются хозяйствующие субъекты. Сглаживание частных инвестиций государство может осуществить, используя, в первую очередь, разнообразные меры дискреционной фискальной политики. К таким мерам можно, прежде всего, отнести манипулирование различными видами расходов — на общественные работы, на социальные нужды, на государственные капиталовложения, и т. д. Общий уровень частных и государственных расходов на инвестиции должен быть стабильным! Именно это имел в виду Дж. М. Кейнс, когда писал: «Я рассчитываю на то, что государство... будет брать на себя всю большую ответственность за прямую организацию инвестиций» [1, с. 229]. Стабильность совокупных — частных и государственных — инвестиций позволяет экономике избегать крайностей рецессий и бумов, а также делает возможным устойчивый рост в долговременной перспективе⁴. Важно, что формирование ожиданий такой стабильности позволяет еще больше снизить общий уровень неопределенности в обществе.

Этому снижению способствуют и другие проявления «государственного активизма» в области макроэкономической политики, многие из которых почти невозмож-

⁴ Хотя последние несколько фраз легко можно найти во многих вводных учебниках по экономике, заложенные в них идеи не являются очевидными для многих профессиональных экономистов, а о причинах этого мы поговорим в следующем разделе.

но отделить от выполнения государством своих институциональных функций. Среди таких проявлений можно назвать встроенные стабилизаторы, развитую систему социального обеспечения (причем, как известно, некоторые элементы такой системы одновременно являются подобными стабилизаторами), политику доходов, промышленную политику, а также различные институты и мероприятия по поддержке финансовой системы, начиная от страхования депозитов и заканчивая антициклической денежной политикой. Эмпирические данные показывают, что институционализация дискреционной макроэкономической политики вкупе с прочими описанными мерами улучшает макроэкономические результаты функционирования хозяйства. Например, в экономике США с 1900 по 1946 годы среднее снижение реального ВВП, наблюдавшееся в течение всех кварталов, характеризовавшихся отрицательным темпом роста, оказалось равным 6,7%. При этом за данный период произошло 12 циклических спадов со средней продолжительностью 18,1 месяца, причем такие спады происходили в среднем каждые 3,9 лет. С 1947 по 2007 годы в этой же стране среднее снижение реального ВВП за кварталы с отрицательным темпом роста составило всего лишь 1,5%. При этом за данный период произошло 10 циклических спадов со средней продолжительностью 10,4 месяца, причем такие спады происходили в среднем каждые 6,1 лет [35, р. 11]⁵.

На наш взгляд, описываемые достижения в значительной мере связаны с тем, что успешное выполнение государством как институциональных, так и макроэкономических функций (которые в очень высокой степени взаимосвязаны), благоприятным образом влияет на оценку будущего времени, оценку, осуществляемую «рядовыми» экономическими агентами. Данный аспект обычно игнорируется не только в «магистральной», но даже и в посткейнсианской литературе (за редкими исключениями, см., в частности, [9; 12]), и поэтому заслуживает особого рассмотрения.

В «магистральной» экономической литературе обычно предполагается, что агенты дисконтируют будущее время по некоей ставке дисконтирования. Эта ставка является положительной, поскольку настоящее ценнее будущего, и постоянной, поскольку характер предпочтений каждого агента — величина в целом довольно стабильная. Мы предпочитаем называть дисконтирование будущего по постоянной ставке дисконта *нормальной оценкой будущего времени*.

Однако возможна ситуация, при которой хозяйствующие субъекты дисконтируют будущее по возрастающей ставке дисконтирования. Тогда с каждым следующим будущим периодом (или менее часто) ставка дисконтирования увеличивается. Этот феномен называется *шот-термизмом* (*short-termism*), или *краткосрочной временной ориентацией*. Такой тип оценки будущего времени может быть главным образом следствием неуверенности агента в своих ожиданиях относительно будущего [23].

Крайним типом шот-термизма как *искаженной оценки будущего времени* является *инвестиционная близорукость* (*investor myopia*). Она представляет собой исключение из рассмотрения значений переменных, начиная с некоторого будущего периода времени. Иными словами, инвестиционная близорукость означает суженный, или уменьшенный, горизонт планирования агента [9; 12]. Мы полагаем, что шот-термизм и его крайнее проявление — инвестиционная близорукость — внутренне присущи сложной экономической системе с завышенной неопределенностью будущего. Таким образом, они являются следствием того, что государство неэффективно выполняет свои институциональные и макроэкономические функции. В свою очередь, указанные типы искаженной оценки будущего времени крайне отрицательно влияют, выражаясь

⁵ Из-за ограниченности размера статьи мы здесь уклоняемся от обсуждения такого побочного следствия «государственного активизма», как парадокс Мински. Его суть в том, что антициклическая политика, избавляющая от банкротств терпящие крах из-за неплатежеспособности компании, создает стимулы к общему повышению рискованности инвестиционных проектов в будущем. Поэтому даже самая хорошая государственная политика не может полностью устранить неопределенность [11, с. 24; 14; 15, с. 116–118].

термином Дж. М. Кейнса, на «побуждение к инвестированию», т. е. способствуют резкому сокращению и/или устойчиво низкому уровню вложений в производственные активы длительного пользования и росту спросу на деньги или, при инфляции, на суррогатные средства накопления.

Иными словами, успех государства в выполнении им своих институциональных и макроэкономических функций в значительной степени определяется тем, удастся ли заблокировать распространение среди экономических агентов искаженных оценок будущего времени в виде шот-термизма и (особенно) инвестиционной близорукости⁶. Осознание этого аспекта деятельности государства крайне важно для правильного понимания той роли, которой от него следует ждать в экономике. К сожалению, этому пониманию мешает ряд стереотипов, разрушению которых посвящен следующий раздел статьи.

Основные аспекты неоклассической и неаустрийской критики активного вмешательства государства: краткое описание и посткейнсианские возражения

В 1970-е и 1980-е годы идея активного государственного вмешательства в экономику — прежде всего, в виде дискреционной, промышленной и социальной политик как укоренившихся институтов — подверглась массивной критике из лагерей неоклассиков и неаустрийцев. Ведущую роль здесь сыграли, как уже было упомянуто, три лауреата Нобелевской премии по экономике — Ф.А. фон Хайек, Дж. Бьюкенен и Р.Э. Лукас. В результате указанная установка на «активное государство» оказалась в значительной степени дискредитированной, причем она остается в таком «статусе» до сих пор. На наш взгляд, необходимо уничтожить вредные стереотипы, сформированные деятельностью этих уважаемых ученых. Ниже мы напомним основные аспекты критики каждого из этих мыслителей.

С точки зрения Ф.А. фон Хайека, вмешательство государства в экономику основано на непонимании спонтанного характера многих важных социальных и экономических явлений. В частности, речь идет как о спонтанности порядка, устанавливаемого в рыночном хозяйстве, так и о спонтанности эволюции институтов этого хозяйства. Это хозяйство достигает некоей упорядоченности без «направляющей руки» какого-либо «могущественного органа власти», самостоятельно. Кроме того, идеологи государственного вмешательства игнорируют гипотезу рассеянного знания. Каждый агент в отдельности обладает ограниченной информацией, но значительная часть этой информации известна только ему и не известна другим агентам. Рыночная система через конкуренцию и свободное ценообразование аккумулирует и обрабатывает эти знания. Результатом является такая структура цен, которая идеально отражает существующие в обществе технологические возможности и потребительские предпочтения. В результате устанавливается «хорошая» структура размещения ресурсов, а практически любое государственное вмешательство искажает относительные цены, а значит, структуру размещения ресурсов, дезориентируя агентов.

С точки зрения Дж. Бьюкенена, вмешательство государства в экономику основано на стремлении лиц, стоящих у власти, наилучшим образом удовлетворить свои частные интересы. Для этого, в частности, они стремятся постоянно расширять масштабы присутствия государства в экономике. Ну и главный аспект состоит в том, что сами решения, принимаемые государственными должностными лицами, отнюдь не служат

⁶ Вот почему, в частности, является важным характер влияния государства на общественную идеологию. Если представители государства вносят значительный вклад в формирование, скажем, идеологии «красивой жизни», т. е. быстрого обогащения любой ценой и демонстративного потребления полученных таким образом богатств [3, с. 574–577], то это очень плохо влияет на оценку будущего времени и макроэкономическую результативность.

«общему благу», а зачастую являются следствием борьбы различных лоббирующих группировок за свои блага, активы, и т. д. Иными словами, целевые функции лиц, стоящих у власти, принципиально не отличаются от целевых функций частных агентов.

С точки зрения Р.Э. Лукаса, вмешательство государства в экономику, как правило, предвидится частными агентами, чьи ожидания формируются рационально. Поэтому эти агенты принимают, в конечном счете, не те решения, на которые рассчитывает правительство. Иными словами, государственное вмешательство изменяет существующие взаимосвязи между экономическими переменными. На это и указывает знаменитая «критика Лукаса». Один из известных примеров применения этой «критики» при макроэкономическом моделировании — теорема Барро—Рикардо. Как известно, согласно этой теореме, попытки государства стимулировать частное потребление, снижая налоги и финансируя государственные расходы через эмиссию государственных облигаций, оказываются обреченными на поражение. Это связано с тем, что рациональные агенты предвидят, что в будущем государство захочет «поправить бюджетные дела», увеличив налоги, и пытаются заранее к этому подготовиться, расширяя объемы своих сбережений. В результате снижение налогов стимулирует не потребление, а сбережения.

Все эти и подобные им представления глубоко укоренились в магистральной (*mainstream*) экономической мысли и побуждают значительное количество экономистов воспринимать большинство разновидностей активного государственного вмешательства в экономику как вредные. Во многом с этими же соображениями были связаны и рекомендации представителей Вашингтонского консенсуса относительно стратегий трансформации плановых хозяйств в рыночные системы, которые активно давались в конце 1980-х — 1990-е гг. лицам, ответственным за проведение системных преобразований на территории бывшего социалистического блока. Идея скорейшего и крупномасштабного ухода государства из экономики была одним из ключевых аспектов «шокотерапевтических» рекомендаций, которые вряд ли были бы сформулированы со всей своей жесткостью, если бы не «антиэтатистский» тренд магистральной экономической теории. Мы имеем в виду тренд, начавшийся в последней трети прошлого века и связанный, в первую очередь, с вышерассмотренными взглядами трех нобелевских лауреатов.

Мы полагаем, что применение посткейнсианской концепции неопределенности позволяет в значительной степени подорвать концептуальные основы всех этих теорий.

Относительно первого направления критической «атаки на государство» нужно сказать следующее. Прежде всего, существование фундаментальной неопределенности зачастую приводит к тому, что система рыночного капитализма на долгие годы погружается в кризисные состояния, из которых она не способна самостоятельно выбраться. Необходимо также сказать о том, что рыночная система не в состоянии аккумулировать релевантную информацию, просто потому, в условиях фундаментальной неопределенности ее значительная часть еще не создана⁷. Связанные друг с другом система цен и решения людей часто являются следствием следования привычкам, эмоциям и паттернам группового поведения, а не рационального учета технологических возможностей и потребительских предпочтений.

Кроме того, хайкеианский подход очень сильно недооценивает роль рыночной власти. Как отмечалось выше, для снижения неопределенности отдельные агенты пытаются поставить под контроль значимые для них переменные и, в частности, цены. Этого контроля добиваются те, кто победил в конкурентной борьбе. Результатом всего этого является тот факт, что цены отражают в первую очередь именно рыночную власть агентов, в наибольшей степени преуспевших в процессе соперничества, а не

⁷ Таким образом, тот тип неопределенности, о котором писали неоавстрийцы по главе с Ф.А. фон Хайеком, представляет собой неясность, но отнюдь не фундаментальную неопределенность.

технологические возможности и потребительские предпочтения. В таком случае государственное вмешательство в экономику, в том числе и в процессы ценообразования, зачастую не только не искажает структуру относительных цен, а «выправляет» ее, снижая в этих ценах долю рыночной власти представителей крупного бизнеса.

Таким образом, система рыночного капитализма — это система, в которой решения принимаются в условиях фундаментальной неопределенности агентами, руководствующимися привычками, эмоциями и стандартами группового поведения. При этом они различаются между собой степенью рыночной власти, которой они обладают. «Невидимая рука» и «спонтанный порядок» работают неэффективно. Многочисленные индикаторы этого — Великая депрессия и прочие многочисленные кризисы. В таких условиях, и для того чтобы уберечь экономику от попадания в ситуации длительных «понижительных тенденций», и для того чтобы сформировать успешные институты, необходимо государственное вмешательство. Весь опыт экономического развития в XX веке, включающий большое количество случаев успешного реформирования институтов [5, с. 26–28] и проведения эффективной государственной политики, указывает на несоответствие рекомендаций Ф.А. фон Хайека экономической реальности современных сложных экономических систем.

Не соответствуют реальности и заманчивые идеи Дж. Бьюкенена. Далеко не всегда государственные должностные лица стремятся к расширению масштабов вмешательства государства. Одна из основных напрашивающихся иллюстраций — феномены рейганомии и тэтчеризма [32, р. 108]. Лица, пришедшие к власти в Великобритании, США и некоторых других развитых странах на рубеже 1970 — 1980-х годов, своими действиями — от подчинения денежной политики монетаристским правилам до снижения налогов и приватизации — резко *сократили степень вмешательства государства в экономику*. Другой пример — политика, проводившаяся в начале 1990-х годов во многих «постсоциалистических» странах — Польше, России и др. Представляется, что предложенная Дж. Бьюкененом трактовка поведения государственных должностных лиц является весьма поверхностной. Интересы таких лиц могут не сводиться к максимизации денежного дохода. Подобные интересы могут включать, в частности, социальное одобрение [32, р. 108] или соответствие неким respectable общественным идеям и установкам. Кроме того, существование неопределенности зачастую затрудняет для чиновника или политика определение того, какие мероприятия могут эффективно реализовывать его личные интересы [32, р. 108]. В такой ситуации, опять-таки, следование неким «общепринятым» социальным идеям и стандартам, или популярным концепциям какого-либо влиятельного в недавнем прошлом экономиста может оказаться лучшим решением для такого чиновника или политика. Здесь уместно привести знаменитое высказывание Дж. М. Кейнса: «... идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются, — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром... Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей...» [1, с. 458]. Кстати, в этой связи, как нам представляется, деятельность отечественных «шокотерапевтов» также следует трактовать именно как следование идеям «экономистов и политических мыслителей», а не как «работу на западные спецслужбы», из чего исходят многие наши коммунисты и патриоты, ведь «... именно идеи... становятся опасными и для добра, и для зла» [1, с. 458].

Также весьма сомнительны, с посткейнсианской точки зрения, теоретические построения Лукаса и его последователей. Теорема Барро—Рикардо и прочие подобные построения новых классиков не работают, прежде всего, по той причине, что в условиях фундаментальной неопределенности экономические агенты не способны предска-

зывать будущее на значительный промежуток времени. Им приходится опираться на привычки, эмоции и групповое поведение при принятии решений. В результате люди даже не задумываются о том, что будет делать государство через несколько лет. Поэтому снижение налоговых ставок скорее воспринимается домохозяйствами так, как описывают кейнсианские модели, в том числе и самые упрощенные. Экономические агенты просто увеличивают свои расходы на потребление. В результате растет совокупный спрос, и экономика получает «шансы на оживление». Можно также добавить, что сама гипотеза рациональных ожиданий, составляющая базис для всего учения новых классиков, а не только концепций Р.Э. Лукаса и Р. Барро, предполагает, что экономические агенты знают все параметры функций спроса и предложения на релевантных для них рынках. Очевидно, что такая предпосылка представляет собой чрезмерно жесткое требование к счетным и познавательным способностям экономических агентов. Даже в ситуациях определенности (*certainty*) или риска у хозяйствующих субъектов может не хватить навыков, сил или желания вычислить параметры функций спроса и предложения на интересующих их рынках. Наличие же в очередной раз упоминаемой неопределенности делает такие расчеты просто невозможными. С этими соображениями, кстати, связано «общепринятое» среди посткейнсианцев отрицательное отношение к гипотезе рациональных ожиданий. Они полагают, что в условиях неопределенности ожидания носят конвенциональный характер: каждый человек воспринимает поведение других людей как источник дополнительных знаний [5; 15].

Роль государства в экономической системе «семейно-кланового капитализма»

Как мы уже неоднократно доказывали [9; 12; 13], в постсоветской России на рубеже XX и XXI веков сложился особый тип экономической системы, который был назван нами семейно-клановым капитализмом. Его основные институциональные характеристики — очень неэффективная государственная защита прав собственности и контрактов, высокие «официально-административные» и «неофициально-криминальные» ограничения доступа (барьеры входа) к различным видам экономической деятельности, а также низкая степень исполняемости законов и высокая степень их нестабильности [3, с. 573–574]. Таким образом, для такой системы типичны большая роль различных олигархических и/или чиновничьих кланов в обеспечении принуждения к выполнению контрактов, а также низкая степень конкуренции, большая доля теневого сектора, фрагментация экономически-правового пространства и другие характеристики неэффективной институциональной среды. А к главным макроэкономическим результатам такой системы нужно отнести низкую склонность к долгосрочным инвестициям и инновациям, технологический застой и отсутствие экономического роста, основанного на нововведениях [9; 12; 13].

Мы полагаем, что трансформация системы планового социализма в систему семейно-кланового капитализма непосредственно связана с институциональной неадекватностью государства. По крайней мере, именно так обстояло дело в России: отказ государства от выполнения многих важных институциональных функций и в целом феномен «правового беспредела» привели к тому, что «инфорсментом» стали заниматься различные «неофициальные структуры», а нередко просто криминальные группировки.

Какую роль должно играть государство в такой системе? На наш взгляд, «программа-максимум», требуемая от государства, — целенаправленные и систематические шаги по трансформации семейно-кланового капитализма в рыночный капитализм. Государство должно создать такую институциональную среду, в которой барьеры входа на различные рынки будут одинаковыми для всех экономических аген-

тов, а контракты будут надежно защищаться соответствующими ветвями правительства, прежде всего, эффективной судебной системой. Если при этом еще удастся выйти из институциональных ловушек уклонения от уплаты налогов и коррупции [4; 5, гл. 3], то подобная экономическая система имеет неплохие шансы преобразоваться в рыночный капитализм. Мы полагаем, что интенсивность движения к «институционально адекватному» государству положительно зависит от интенсивности формирования гражданского общества в подобных экономических системах. Постепенное усиление контроля рядовых членов общества над деятельностью государственных должностных лиц и выработка стимулов к «дальновидности» у тех, кто приходит во властные структуры, могут в долгосрочной перспективе способствовать «отмиранию» институтов семейно-кланового капитализма и их преобразованию в институты рыночного капитализма. Однако жесткое противодействие таким тенденциям могут оказать такие направления институциональной эволюции в условиях семейно-кланового капитализма, как ужесточение политических ограничений, расширение прав различных элит, а также укоренение обычаев и традиций, благоприятствующих взяточничеству и вымогательству [13, с. 59]. Опыт конца первого десятилетия XXI века в России и некоторых других постсоциалистических странах показывает, что подобные неблагоприятные изменения могут стать реальностью. В этом случае наша страна рискует быть обреченной на экономический застой с неэффективным государством.

Вместо заключения: к обобщению основных аспектов посткейнсианской теории государства

Мы полагаем, что основные принципы посткейнсианской теории государства можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, в условиях фундаментальной неопределенности государство играет роль органа, несущего основную ответственность за снижение степени этой неопределенности. Подобное снижение может осуществляться за счет выполнения как институциональных функций типа защиты прав собственности и контрактов, так и макроэкономических функций типа проведения дискреционной фискальной политики, введения встроенных стабилизаторов и проведения политики доходов. При этом нередко очень трудно отнести конкретные функции к той или иной разновидности (т. е. чисто институциональной или чисто макроэкономической).

Во-вторых, эффективность деятельности государства по уменьшению неопределенности проявляется, прежде всего, в том, какова структура вложений экономических агентов в активы длительного пользования. Чем больше средств вкладывается в производственные активы, которые вносят важный вклад в ВВП и создание рабочих мест, тем более успешно государство. Чем больше средств вкладывается в непроизводственные активы (деньги и суррогатные средства накопления типа иностранной валюты, старого фонда недвижимости, антиквариата и т. д.), тем менее успешно государство.

В-третьих, важнейшим «промежуточным звеном» между деятельностью государства по снижению неопределенности и поведением экономических агентов в сфере выбора активов длительного пользования является оценка ими будущего времени. Если ставка дисконтирования является постоянной и низкой, то, скорее всего, масштаб вложений в активы длительного пользования таков, что экономика имеет шансы функционировать на траектории быстрого и устойчивого роста. Если же ставка дисконтирования является высокой и возрастающей, или вообще имеет место инвестиционная близорукость, то есть веские основания ожидать, что ликвидные и непроизводственные активы вытеснят производственные активы как объект выбора со стороны экономических агентов. А это означает, что экономика может погрузиться в длительный спад и застой. Вот почему «... преодоление дестабилизирующих тен-

денций, возникающих из-за фундаментальной неопределенности в сфере принятия экономических решений, является, вероятно, главной проблемой, стоящей перед лицами, ответственными за проведение макроэкономической политики» [33, р. 62].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. — М.: Прогресс, 1978.
2. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости / Дж.М. Кейнс // Истоки. Вып. 3. — М., 1998. — С. 280–292.
3. Малкина, М.Ю., Розмаинский, И.В. Основы институционального подхода к анализу роли государства / М.Ю. Малкина, И.В. Розмаинский // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)/ под ред. Р.М. Нуреева. — М.: МОНФ. 2001. — С. 554–577.
4. Полтерович, В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. — Том 35 (Выпуск 2). — 1999. — С. 3–19.
5. Полтерович, В. М. Элементы теории реформ / В.М. Полтерович. — М.: Экономика, 2007.
6. Розмаинский, И.В. «Конвенциональная теория ожиданий»: вызов теории рациональных ожиданий / И.В. Розмаинский // Вестник СПбГУ. — Сер. 5 (Экон.). — Вып. 2 (12). — 1996. — С. 114–118.
7. Розмаинский, И.В. Концепция делового цикла в посткейнсианстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук / И.В. Розмаинский. — СПб., 1998.
8. Розмаинский, И.В. Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков / И.В. Розмаинский // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)/ под ред. Р. М. Нуреева. — М.: МОНФ. 2001. — С. 427–446.
9. Розмаинский, И.В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход/ И.В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — Том 2 (№ 1). — 2004. — С. 59–71.
10. Розмаинский, И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы / И.В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — Т. 3 (№ 1). — 2005. — С. 62–73.
11. Розмаинский, И.В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты/ И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. — № 5. — 2006. — С. 19–31.
12. Розмаинский, И.В. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике / И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. — № 9. — 2006. — С. 71–82.
13. Розмаинский, И.В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход/ И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. — № 6. — 2009. — С. 48–59.
14. Скоробогатов, А.С. Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.С. Скоробогатов. — СПб., 2002.
15. Скоробогатов, А.С. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: институционально-посткейнсианский анализ / А.С. Скоробогатов // Вопросы экономики. — № 8. — 2006. — С. 102–118.
16. Arestis P. Post-Keynesian Economics: Towards Coherence // Cambridge Journal of Economics. Vol. 20 (1). 1996. P. 111–135.
17. Carvalho F.J.C. Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for A Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar. 1992.
18. Davidson P. A Post-Keynesian View of Theories and Causes for High Real Interest Rates // Post-Keynesian Monetary Economics: New Approaches to Financial Modelling / Ed. by P. Arestis. Aldershot: Edward Elgar. 1988. P. 152–182.
19. Davidson P. Post Keynesian Macroeconomic Theory. London: Edward Elgar. 1994.
20. Davidson P. Reality and Economic Theory // Journal of Post Keynesian Economics. Vol. 18 (№ 4). 1996. P. 479–508.
21. Eichner A.S. A Theory of the Determination of the Mark-Up Under Oligopoly // Economic

- Journal. Vol. 83. 1973. P. 1184–1200.
22. *Eichner A. S. and Kregel J. A.* An Essay on Post-Keynesian Theory: A New Paradigm in Economics // Journal of Economic Literature. Vol. XIII (4). 1975. P. 1293–1314.
 23. *Juniper J.A.* Genealogy of Short-termism in Capital Markets (<http://business.unisa.edu.au/cobar/workingpapers/cobar/2000-03.pdf>).
 24. *Keynes J.M.* A Treatise on Money. Vol. I. The Pure Theory of Money. London: Macmillan. 1930.
 25. *Knight F.H.* Risk, Uncertainty and Profit. Chicago: Chicago University Press. 1985.
 26. *Kregel J.A.* Markets and Institutions as Features of a Capitalistic Production Process // Journal of Post Keynesian Economics. 1980. Vol. 3 (№ 1). P. 32–48
 27. *Minsky H.P.* Central Banking and Money Market Changes // Quarterly Journal of Economics. Vol. 71. May. 1957. P. 171–187.
 28. *Minsky H.P.* Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press. 1986.
 29. *Palley T.I.* Post Keynesian Economics: Debt, Distribution and the Macroeconomy. London: Macmillan. 1996.
 30. *Palley T.I.* Aggregate Demand in a Reconstruction of Growth Theory: The Macro Foundations of Economic Growth // Review of Political Economy. 1996. Vol. 8. P. 23–35.
 31. *Palley T.I.* Growth Theory in a Keynesian Mode: Some Keynesian Foundations for New Endogenous Growth Theory // Journal of Post Keynesian Economics. 1996. Vol. 19 (№ 1). P. 113–135.
 32. *Pressman S.* The Role of the State and the State Budget / A New Guide to Post Keynesian Economics. Ed. by R. P. F. Holt and S. Pressman. London and New York: Routledge. 2001. P. 102–113.
 33. *Rosser J. B.* Uncertainty and Expectations / A New Guide to Post Keynesian Economics. Ed. by R. P. F. Holt and S. Pressman. London and New York: Routledge. 2001. P. 52–64.
 34. *Rousseas S.* Post Keynesian Monetary Economics. London: Macmillan (3rd Edition). 1998.
 35. *Tymoigne E.* Minsky and Economic Policy: “Keynesianism All Over Again?” / The Levy Economics Institute. № 547. October 2008.